

Он вошел
в историю кино,
сняв всего
четыре фильма.
Встреча с известным
режиссером
состоялась
в "Комсомольской
правде"

ФОТО АНАТОЛИЯ ЖДАНОВА.

Алексей ГЕРМАН:

Не всякая собака умеет лаять не своим голосом

Встреча началась с просьбы высказать свое мнение о "Комсомольской правде".

- Слова любви уж точно могут быть сказаны. Особенно если вспомнить, как лет 20 назад меня разбудила Светлана Кармалита, мой соавтор и жена, и сказала, что ей приснился сон: нас похвалили в газете. В это время картина "20 дней без войны" была запрещена, худшего времени я не помню, и, поругавшись со Светкой, я ушел досыпать на диван. А утром позвонил мой товарищ из Москвы: о вас статья в "Комсомолке". Сон был под пятницу и оказался вещим. На следующий день я был в Москве, и главный редактор Госкино Даль Орлов, раскрыв газету, все повторял: Кучкина что, с ума сошла, хвалит вас, министр сказал одно, она - другое. Первый раз я был упомянут как действующий режиссер!

- Хотелось бы услышать ваши оценки сегодняшнего состояния киноискусства.

- Николай Акимов когда-то написал, что артисту важно, чтобы не только его похвалили, но и поругали партнера. Это шутка, но в ней есть правда, потому что должен быть дух соревновательности, спора, даже скандала друг с другом - тогда есть общество с живым кино. А ощущение классической дружбы между всеми кинематографистами показывает, что дело обстоит неблагоприятно. Тем не менее все друг другу соперничают, все бедные, денег на картины нет, за порогом студии нас уже никто не знает. Раньше были негодяи и ретрограды, которых мы ненавидели. Можно было встать и уйти из-за стола, если рядом сидел кто-то, чьи взгляды не разделял.

- А сейчас? Можно встать из-за стола?

- Это будет глупо. Нравится тебе одно, мне другое - и что? Все равно ни твое кино не смотрят, ни мое. Есть чрезмерно разросшееся, так называемое, параллельное кино. Оно так и называется, чтоб быть параллельным другому. У нас же, как в рассказе Эдгара По о сумасшедшем, который пришел в больницу, а там сумасшедшие захватили врачей и лечат их. В принципе, чтобы понять уровень погружения кинематографа в беду, надо просто пройти по "Ленфильму". Вы упретесь в ворота, в которых стоят охранники. Значит, попадаешь на студию, где коммерческие структуры, предприниматели, изредка попадают к кинематографистам, у которых денег нет.

- Вы наконец закончили съемки фильма "Хрусталева, машину!"...

- ...На деньги Роскино и министерства культуры Франции, поскольку там существует программа борьбы с американским кино в пользу европейского. Мы были у председателя Роскино Медведева, который сказал, что государство вот-вот выделит деньги и примет закон, по которому кинематограф сможет выкарабкаться. Но мой опыт подсказывает, что государство каким-нибудь образом да вывернется, а денег не даст или сделает только хуже. Если ошибусь, буду счастлив...

Но картину мы доделаем. И, может, она будет интересной. Ленин был вовсе не глуп, когда сказал, что из всех искусств важнейшим является кино. Старая идеология лопнула, но кто-то же должен быть носителем идеологии новой.

- С какой идеологией вы делаете свое кино?

- Ну я не знаю... Америка, скажем, очень политизированная страна. Едешь - над домами торчат государственные флаги. Если у нас сейчас в деревне люди вывешат флаги, в психушку отвезут. В большей степени американская идеология существует за счет кино, как было у нас. Я знаю, что только в процессе придуманной, сочиненной истории можно в чем-то убедить человека или даже массы. Вообразите, что некто умирает, расстрелянный у завода Михельсона, и говорит: передайте Ленину, что Каменев и Зиновьев - предатели. Уже эмоциональный крючок. А у Киселева на НТВ... нет, у него, конечно, есть своя аудитория, изначально к нему расположенная, верящая, мы, например, но вообще-то словами никого убедить нельзя. Что бы мне ни говорили с экрана, я выйду, увижу ларьки, бандитов, или мимо проедет, облив грязной водой, человек с бритым затылком. Мне кажется, публика сегодня хочет, чтобы ей рассказывали истории из нашей жизни. И мы рассказываем историю. Смешную, сумбурную, трагическую. У нас, помимо главного героя и других персонажей, действуют Сталин и Берия, но это не политический фильм. Мы постарались, чтоб было жалко всех.

- Можно понять, что ни кино, ни ТВ вы не слишком довольны.

- Как можно быть довольным, если мы умудрились ни про Сахарова ничего толкового рассказать, ни Шаламова, ни Дзюбковского, ни Солженицына поставить! Ничего! Фильм "Один день Ивана Денисовича", снятый на Западе, начинается с того, что Иван Денисович идет в медпункт, а

БЕСЕДКА «КП»

там все сидят с градусниками во рту - у американцев так ставят градусники. Все в зоне ходят в белых колпаках. Очень трогательно. Мы встали и ушли.

Была эйфория, все было решено. Было интересно поехать в загранку. Даже и выгодно. Ты едешь на Запад, за показ тебе платят 200 долларов. Поэтому делали кино на вывоз. Человеку было наплевать, пойдет картина здесь или не пойдет, он съездит раз 15 с ней - и богатый. А когда опомнились, доверие к отечественному кино было уже подорвано. И бешеная экспансия западного кино. Мы потеряли целое поколение кинематографистов. Тем не менее у меня такое ощущение, что наше кино будет востребовано. Эта востребованность породит артистов, которые перестали существовать. Борисов, Смоктуновский, Дороница, Басилашвили, Юрский, Лебедев, Стрельчик, Лавров, Капелян, Луспекаев, Шарко - одно это товстоноговское созвездие чего стоило. Можно было перейти через скверик от театра Товстоногова - там другие потрясающие актеры: Бруно Фрейндлих, Черкасов, Толубеев, другой Борисов. Чем объяснить, что перевелись артисты? Невостребованностью. Все это обидно, потому что талантливого человека вырастить трудно. Нужна гибкая, мудрая политика сверху.

- Сверху не дали денег - а не находите ли вы, что мы уже никогда не получим ничего сверху, что сегодня в чем-то нужно быть Никитой Михалковым?

- Во-первых, почему вы думаете, что Никита Михалков ничего не получает сверху? Вот-вот, не каждая собака умеет лаять не своим голосом. В искусстве есть люди, которые умеют устраиваться и которые не умеют. У нас есть талантливый режиссер Александр Сокуров или, допустим, Игорь Алимпиев, которые не умеют. Им надо помогать. Я старался, но не сумел. Должен быть продюсер. У нас этой профессии нет. Вот здесь сидит моя жена, она не даст соврать: мы не начали бы снимать кино, если бы не французские продюсеры.

- Вы уникальный режиссер: являясь автором всего трех фильмов...

- Четырех. Была картина, которую никто не видел, "Седьмой спутник", по рассказу Лавренева, которую мы делали вдвоем. Соответствующие органы картину изыали. Она была о красном терроре и началась с декрета, который тогда не печатался. Декрет гласил: не око за око, а тысячу глаз - за одни. Тысячу жизней буржуазии за жизнь вождя. И списки

расстрелянных: 572 человека в один день.

- Вы всегда шли против течения. Например, заявили, что вы еврей. Случайно выяснилось, что в вас всего восьмьюшка еврейской крови.

- Восьмьюшка или четвертушка... Да нет, все проще, всегда приятней сказать, что еврей, хотя фамилия не еврейская, чем получить в ответ подмигивание: мол, знаем-знаем. Кроме того, мне кажется, что и тот народ, и этот - достаточно великие народы. Никогда в семье мы не считали себя евреями, пока не возникло общество "Память". Мои предки служили даже в Святейшем синоде, между прочим. Вообще-то, когда человек начинает гордиться национальностью, это последнее дело. Как только антисемитизм поутихнет, я с удовольствием сделаюсь обратно русским. Я человек русской культуры. А пока что, перефразируя персонажа в моем фильме: мне и в евреях не дует.

- Вы хорошо знаете рассказы своего отца-писателя? Скажем, рассказы о Дзержинском?

- Конечно, знаю. Отец был им увлечен. С Дзержинским все не так просто. Он не хотел идти в ВЧК. Мне кажется, это был человек, который, считая, что у него ключи от счастья, превратился в палача. Это - революция, ее последовательность повсюду одинакова, что у нас, что во Франции. Когда-то мы со Светланой долго рассматривали книжку о Дзержинском, как он делал себе внешность, отгачивал ее, чтоб была пожелтее. В 1919-м, в самый разгар голода, он ехал в Швейцарию лечиться... Отец вступил в партию в 56-м и в этом тоже был искренен. Хотя он был талантливый человек, но реализовал себя в очень немногих вещах. Он был наивный человек. Я, допустим, никогда не был в комсомоле. Не потому что какой-то диссидент, мне просто не хотелось. Так вот, у отца на этот счет было два аргумента: "все достойные люди обязательно должны быть в комсомоле и партии" так начиналось, а кончалось - "тебя посадят, дурак". Он был из потомственной офицерской семьи. На его глазах революционные солдаты приколотили погони к плечам командира полка. Он был вынужден уйти из дома, стать рабочим. И тем не менее перед войной он был очарован Сталиным. После войны - уже нет. Я помню, как вышел из лагеря шофер Дзержинского - к нам приехал совершенно спившийся человек. Выходили многие - и жили у нас. С утра до ночи пили портвейн, курили и сидели на корточках в столовой. Помню, как вышел английский коммунист, стал искать своего следователя, чтоб набить морду, нашел, а тот оказался без ног. Такая несчастная страна. Кто на вышках сидел, кто внизу ходил - можно поменять местами, ничего не изменилось бы. В "Хрусталева" одна из мыслей: все виноваты, и никто не виноват.

- Вы можете назвать любимые фильмы?

- "Ежик в тумане", "Рублев", "Сталкер". Ранние картины Иоселиани, молодой Муратовой, Данелия - из наших. Из западных - Феллини от корки до корки, "Последний киносеканс" Питера Богдановича, еще кое-что.

- Предлагаем идею: мы обращаемся к Александру Исаевичу Солженицыну с предложением, что Герман возьмется за картину по вашему произведению.

- "В круге первом".

- Отлично, а мы кидаем шапку по кругу среди читателей... Согласны?

- Если согласится Александр Исаевич...

Юрий Никулин в некогда запрещенном фильме "20 дней без войны".

Подготовила Ольга
КУЧКИНА.